

АНТРОПОЛОГИЯ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЭПАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (погребение 13 могильника Сергушкин-3)

П.В. Герман*, Е.А. Казакова**

Приведены результаты исследования захоронения раннего железного века из Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3). Дана подробная характеристика археологического и антропологического материала. Краниометрическим анализом определен монголоидный антропологический тип погребенного. По аналогии с известными североангарскими комплексами захоронение отнесено к цэпаньской культуре. Для наиболее устойчивого компонента цэпаньских погребений — роговых обойм — отмечен широкий круг аналогов из Северо-Восточной Сибири. На основании радиоуглеродной даты и находки в могиле изделия из железа погребение 13 могильника Сергушкин-3 отнесено к IV–II вв. до н.э.

Северное Приангарье, ранний железный век, цэпаньская культура, погребение.

Введение

Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья была выделена В.И. Привалихиным по материалам погребений и стоянок, исследованных им на участке р. Ангары от с. Кежма (стоянка и могильник Капонир) до о. Соснового-Катского (могильник Сосновый Мыс-2), а также эпонимного погребения, раскопанного А.П. Окладниковым недалеко от впадения в Ангару ручья Цэпань [Привалихин, 1993]. Кроме ангарских комплексов к цэпаньской культуре были отнесены типологически близкие погребения на р. Лене — Покровское, Ичилляхское, Куллатинское и Бугачанское [Привалихин, 2011, с. 169–170]. На основании различий в погребальной практике В.И. Привалихин выделил два этапа в развитии цэпаньской культуры: VIII–V вв. до н.э. (ингумация) и IV–II вв. до н.э. (кремация на стороне) [Там же, с. 170].

До недавнего времени количество исследованных погребений цэпаньской культуры было невелико (11 комплексов, из которых четыре разрушено). Спасательные археологические работы Богучанской экспедиции в 2008–2012 гг. позволили увеличить число источников по меньшей мере в два раза. Кроме этого было получено большое количество поселенческого материала. Все это дает основание говорить о начале нового этапа в изучении раннего железного века Северного Приангарья. Особое внимание необходимо уделить проблемам абсолютной хронологии погребальных комплексов, происхождения и трансформации материальной культуры, природы биригуальности в погребальном обряде, антропологического состава носителей цэпаньской культуры.

Большое количество материалов цэпаньской культуры было обнаружено на памятнике Сергушкин-3, расположенном на одноименном острове в нижнем течении р. Ангары, на границе Кежемского района Красноярского края и Усть-Илимского района Иркутской области. Стоянка и могильник Сергушкин-3 открыты в 1974 г. В.И. Привалихиным и позднее неоднократно им исследовались [Привалихин, 1987, 2009]. Всего на памятнике исследовано 24 погребения различного времени могильника, шесть из которых (№ 1, 4, 7–9, 13) относятся к раннему железному веку [Привалихин, 1987; Герман, Леонтьев, 2010, 2011; Герман и др., 2011]. В данной статье рассматриваются материалы погребения 13, исследованного нами в 2010 г. в ходе спасательных работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН.

Описание погребения

Погребение находилось на юго-восточной периферии памятника на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. Каких-либо внешних признаков — надмогильной кладки из камней или выраженного пятна могильной ямы — в процессе выборки слоя не зафиксировано. При зачистке сектора было обнаружено аморфное пятно заполнения серого цвета с включениями

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

угольков, вытянутое по линии северо-восток — юго-запад, размером 0,6×0,23 м. В результате выборки заполнения и прилегающего пространства был расчищен скелет человека с инвентарем (рис. 1). Большая часть заполнения могилы не отличалась по цвету и структуре от вмещающего слоя, поэтому границы могильной ямы выделены условно.

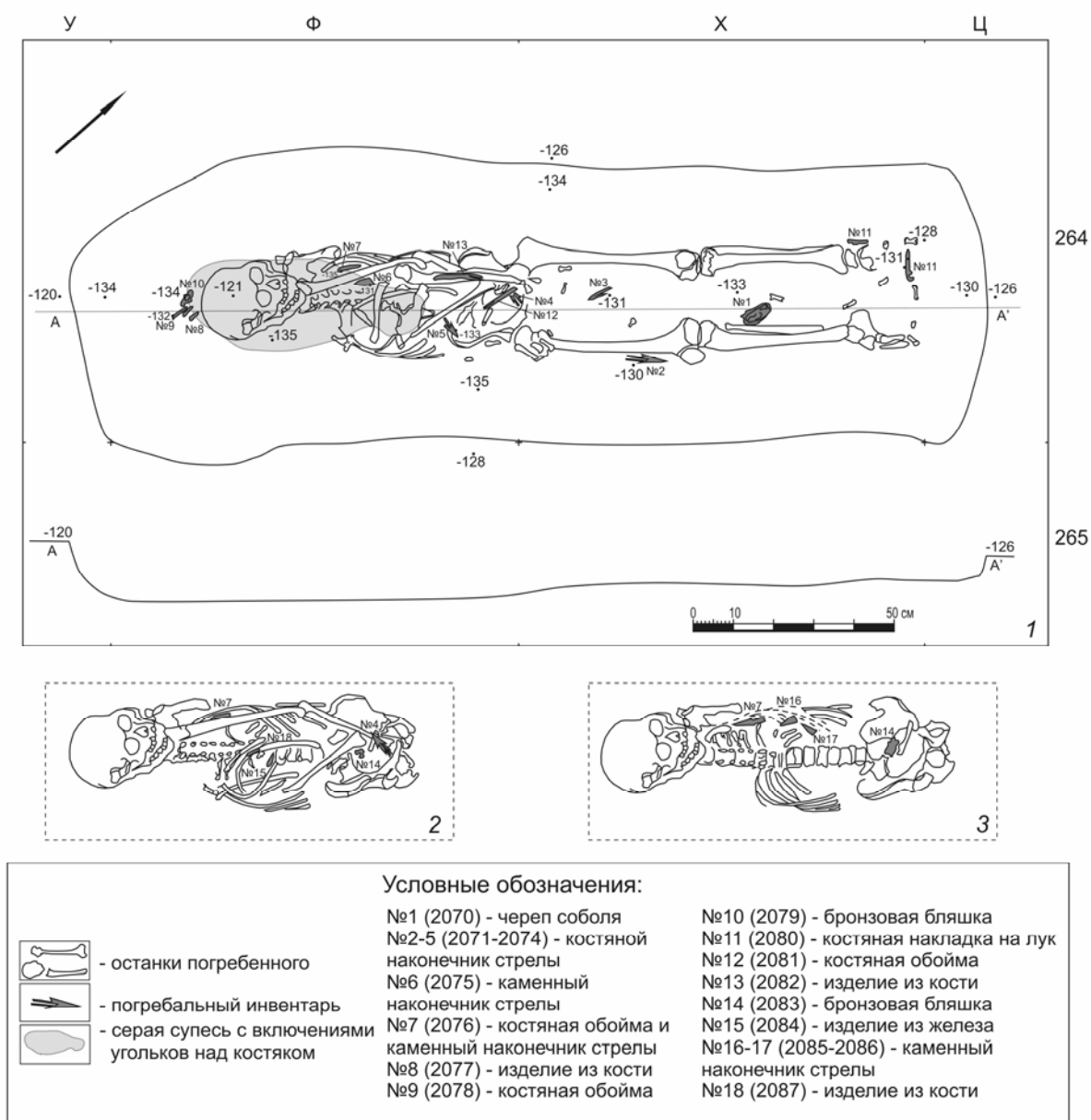

Рис. 1. Сергушкин-3. Погребение 13:

1 — общий план погребения и разрез ямы; 2, 3 — расположение инвентаря в верхней части костяка

Могильная яма имела форму вытянутого перпендикулярно реке по линии северо-восток — юго-запад прямоугольника. Размер ямы — 2,2×0,7 м, глубина — до 0,14 м. Погребение совершено по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на юго-запад (к реке). Череп, позвоночник, ребра с левой стороны, таз и кости ног находились в анатомическом порядке. Череп покоился на затылочной части. Кости левой руки лежали на туловище. Правая рука вместе с плечевым поясом также располагались на туловище, но были сдвинуты вниз на уровень третьего грудного позвонка. Туда же смещены ребра правой стороны. Кости таза сложены вовнутрь. Лучевая кость правой руки располагалась вертикально между крыльями таза, пястные кости об-

наружены в запирающем отверстии левого крыла таза. Кости кистей рук находились на тазу и вблизи него.

Судя по расположению костей, между моментом смерти и погребением прошло достаточно времени для разложения мягких тканей верхней части скелета [Зайцева, 2005, с. 10–11]. Данное обстоятельство можно объяснить необходимостью доставки трупа на определенное место для погребения или выставлением его на некоторое время до совершения захоронения.

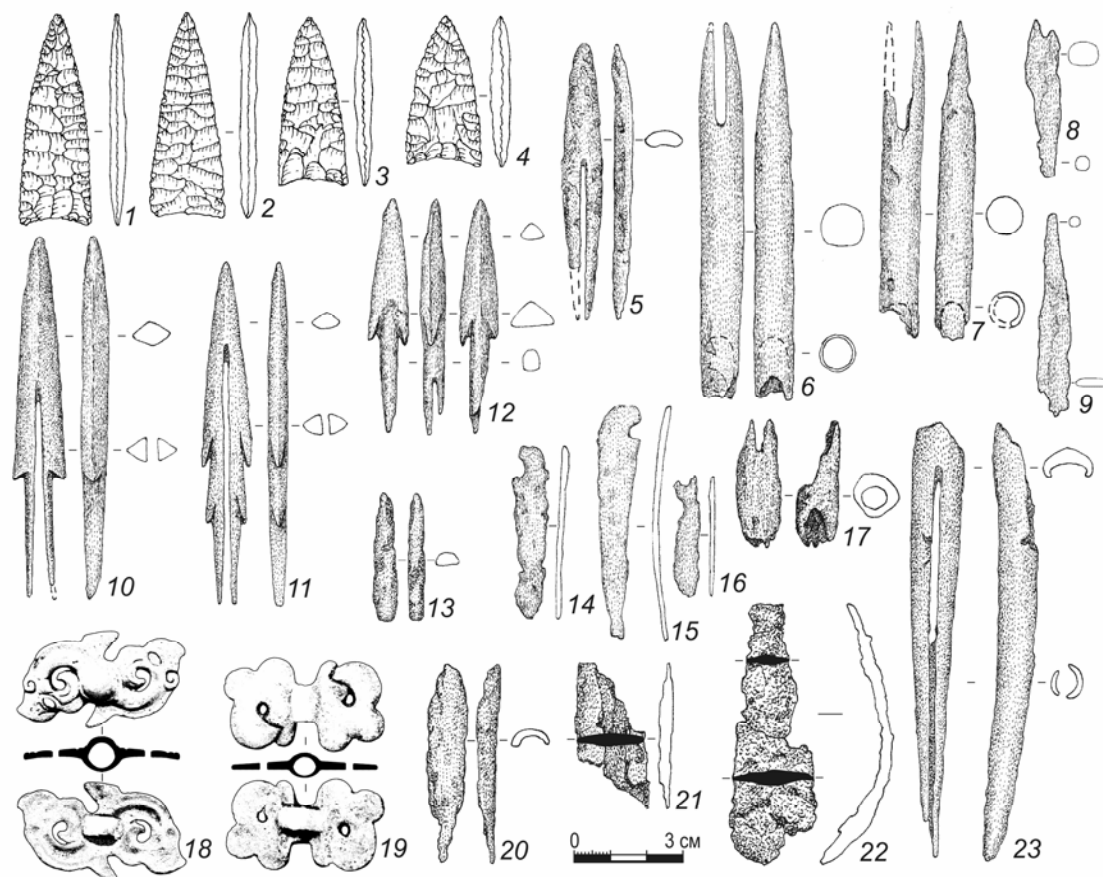

Рис. 2. Сергушкин-3. Погребение 13. Погребальный инвентарь:

1–5, 10–12 — наконечники стрел; 6–8, 17 — обоймы; 9, 13, 20–22 — фрагменты изделий; 14–16 — концевые обкладки лука; 18, 19 — бляшки; 23 — остов вкладышевого орудия: 1–4 — камень; 5–17, 20, 23 — рог, кость; 18, 19 — бронза; 21, 22 — железо

Среди костей погребенного и рядом с ними обнаружено большое количество сопроводительного инвентаря из бронзы, железа, рога, кости и камня (рис. 2):

1. Концевые накладки на лук из кости (№ 11) (рис. 2, 14–16), 4 фрагмента. Размеры наиболее полно сохранившейся пластинки 82×12 мм. Толщина пластинок 2 мм. Три фрагмента имеют вырезы для тетивы. Фрагменты обнаружены возле костей левой стопы.

2. Наконечники стрел из рога: а) черешковый с раздвоенным насадом и пером треугольной формы с двумя симметричными шипами (№ 2) (рис. 2, 10). Длина пера — 65 мм, черешка — 36 мм; б) ланцетовидный с глубоким расщепленным насадом (№ 3) (рис. 2, 5). Длина наконечника — 75 мм; в) гарпуновидный с черешком и глубоким расщепленным насадом (№ 4) (рис. 2, 11). Длина наконечника — 96 мм; г) трехгранный, черешковый с раздвоенным на конце насадом и треугольным пером (№ 5) (рис. 2, 12). Длина пера — 42 мм, черешка 27 — мм.

3. Наконечники стрел из камня (№ 6, 7, 16, 17) (рис. 2, 1–4). Все подтреугольной формы с полукруглой симметричной базой, образующей два шипа. Поверхность оформлена покрывающей бифасиальной ретушью, края подработаны зубчатой ретушью. Размеры изделий: 40–

56×19×4 мм. Все каменные наконечники были обнаружены между ребер погребенного. Один из наконечников был вставлен в паз роговой обоймы (№ 7).

4. Обоймы из рога (№ 7, 12) (рис. 2, 6, 7). Изделия морфологически идентичны: на одном конце обоймы вырезан паз для установки наконечника стрелы, на другом расположена втулка для насада на древко. Размеры изделий: 88×11; 105×13 мм.

5. Остов вкладышевого орудия из трубчатой кости (№ 13) (рис. 2, 23). Пинцетовидной формы, со слабоизогнутым профилем, округлое в сечении. Длина — 120 мм, ширина основания — 15 мм. Посередине изделия проходит сквозной продольный паз шириной 2–4 мм.

6. Изделие из кости (№ 8) (рис. 2, 13). Ланцетовидной формы, сегментовидное в сечении. Длина — 35 мм, ширина — до 7 мм, толщина — до 5 мм.

7. Фрагмент изделия из продольного среза трубчатой кости (№ 18) (рис. 2, 20) размером 54×11 мм.

8. Компактное скопление трех фрагментированных изделий из кости за черепом, рядом с № 8: — обойма с черешковым насадом (№ 9) (рис. 2, 8). Сломаны крылья паза для наконечника, на большей части изделия отсутствует надкостница. Длина сохранившейся части изделия — 41 мм, длина черешка — 36 мм;

— обойма из трубчатой кости (№ 9) (рис. 2, 17). Повреждены крылья паза для наконечника. Втулка для насада на древко сквозная, в основании асимметричная. Длина сохранившейся части — 35 мм, ширина — 12 мм;

— фрагмент изделия подтреугольной формы из кости (№ 9) (рис. 2, 9). Длина — 56 мм, ширина — до 9 мм. Обломан уплощенный конец предмета.

9. Поясные бронзовые бляшки: а) s-видная (№ 10) (рис. 2, 18). Длина 50 мм, ширина посередине — 26 мм. В месте перехода между лопастями — сферический выступ диаметром 12 мм, с обратной стороны которого продольно припаяна прямоугольная выпуклая в профиле петелька 5×11 мм. Лопастни бляшки представляют собой изображения «хохлатого» грифона. Рельефно выделены клюв, глаз, ухо и шея грифона. Клюв сильно изогнут, ухо передано в виде завитка, глаз овальной формы. По диагонали друг напротив друга выделены хохолок и хвост (крыло?). Бляшка лежала лицевой стороной вверх, за черепом, рядом со скоплением № 9; б) бабочковидная бляшка (№ 14) (рис. 2, 19). Длина 41 мм, ширина лопастей 24–25 мм. В центральной части между лопастями выступающий валик размером 6×10 мм, с обратной стороны которого перпендикулярно валику припаяна прямоугольная выпуклая петелька 6×13 мм. Фигурные лопасти передают силуэт двух голов грифона. Бляшка находилась между крыльев таза, на крестце, петелькой в сторону стоп.

10. Фрагменты плоских (до 3 мм) пластин аморфной формы одного или двух изделий из железа (№ 15) (рис. 2, 21, 22). Сохранность фрагментов плохая, поверхность сильно корродирована. Несколько пластинок склеены в один блок (длина 75 мм, ширина — от 7 до 23 мм), имеющий сильно изогнутый (деформированный) профиль. Широкий конец выпуклой закругленной формы. Предположительно склеенный фрагмент является наконечником стрелы или лезвием ножа. Фрагменты изделия обнаружены между ребер с правой стороны, на поясничных позвонках и под ними.

11. Череп и обе ветви нижней челюсти соболя (ad.¹) в сочленении (№ 1).

Характеристика антропологического материала

Исследован скелет мужчины, умершего в возрасте 24–30 лет. Сохранность костного материала удовлетворительная. На черепе посмертные повреждения лицевого отдела, утеряны носовые косточки, верхняя челюсть фрагментарна. Мозговая коробка повреждена с правой стороны, чешуя правой височной кости представлена неполно фрагментами, утерян скуловой отросток. Ключицы, лопатки, позвонки, ребра, крестец фрагментарны, отсутствуют грудина и некоторые мелкие кости кистей и стоп. Тазовые кости сохранились сравнительно полно, что, наряду с выраженными признаками полового диморфизма на черепе, позволяет с уверенностью определить мужской пол индивида.

Посткраниальный скелет умеренно массивный, с хорошо развитыми зонами прикрепления мышц на костях верхних и нижних конечностей. Мужчина имел довольно высокий рост — 169–170 см (по формулам Пирсона и Дебеца). На костях черепа, позвонках шейного отдела и пра-

¹ Определение с.н.с. ИАЭТ СО РАН к.б.н. С.К. Васильева.

вой ключице обнаружены следы, маркирующие серьезные патологические процессы, которые должны были влиять на качество жизни индивида. Прежде всего, обращает на себя внимание сильная асимметрия мозговой коробки в теменной и затылочной областях, а также деформированная, неравномерно суженная форма большого затылочного отверстия и позвоночного канала в шейном отделе. Плохая сохранность шейных позвонков не позволяет в полной мере оценить степень повреждения шейного отдела, но можно выделить частичный атлanto-окипитальный синостоз с образованием за правым затылочным мышцелком участка окостенения околоуставных тканей, что означает существенное ограничение подвижности при наклоне головы вперед и назад [Анатомия человека, 1993, с. 170]. На правой ключице зафиксирован след прижизненной травмы акромиально-ключичного сустава — акромиальный конец ключицы значительно утолщен, овальный в сечении, с крупной костной мозолью неправильной формы и увеличенной полостью тела.

Деформация большого затылочного отверстия у индивида либо имеет врожденное происхождение (результат родовой травмы), либо появилась в ходе неправильного развития костей черепа. Вероятно, данный индивид в течение большей части жизни испытывал серьезные проблемы со здоровьем — головные боли, потери сознания [Рейнберг, 1955, с. 421]. Деформация шейного отдела и правой ключицы должны были ограничивать подвижность головы и плечевого пояса и причинять сильные боли. Слабовыраженный рельеф затылка говорит о том, что нагрузка на мышцы спины была минимальной, при этом мышечный рельеф костей верхних и нижних конечностей развит вполне нормально. Так или иначе, вряд ли человек из погребения 13 могильника Сергушкин-3 мог заниматься тяжелым физическим трудом.

Краниологическая и одонтологическая характеристика. Череп восстановлен из фрагментов, особенно лицевая часть. Череп крупный, но не массивный, с отчетливо выраженным рельефом, хорошо развиты надбровные дуги и сосцевидные отростки. Затылок широкий, выступает слабо, затылочный бугор и выйные линии не развиты.

В вертикальной норме череп овоидный, в латеральной — крышевидный, в окципитальной — крышевидный, с вертикальными боковыми стенками. Черепная коробка брахикранная, характеризуется средней величиной продольного диаметра, очень большой — поперечного и малыми величинами высотных диаметров. Высотно-продольный указатель характеризует череп как ортокранный, высотно-поперечный — как метриокранный.

Лицо высокое и широкое, мезопрозопное по указателю, отличается предельной горизонтальной уплощенностью и довольно сильной вертикальной профилировкой на всех уровнях. Лоб узкий, слабо выступающий и средне изогнутый, с большим углом поперечного изгиба. Орбиты высокие и узкие, гипсиконхные по указателю, округлой формы. Нос очень высокий и среднеширокий, лепторинный по указателю. Носовые косточки утрачены, но можно заметить, что степень их выступления была крайне мала. Нижний край грушевидного отверстия представлен предносовыми ямками. Верхняя челюсть крупная, длинная и широкая, поверхность небных костей неровная, с выступами и валиками различной формы. Глубина клыковой ямки очень мала. Нижняя челюсть массивная, с длинными и широкими восходящими ветвями, развернутыми углами и среднеразвитым подбородочным выступом.

Зубы хорошей сохранности, их стертость не превышает 2–3 баллов. Из патологий зубной системы можно отметить незначительные следы зубного камня, нет ни кариозных поражений зубов, ни дефектов формирования эмали. Форма нижней челюсти параболоидная, прикус псалидонтный. Коронки зубов имеют большие мезиодистальные и вестибулолингвальные диаметры. Средний модуль ряда верхних моляров (M_{1-3} — 10,7; M_{1-2} — 11,25) характеризует индивида как представителя макродонтной группы. К особенностям морфологии зубной системы относятся: выраженная лопатообразность резцов (балл 2 и 3), отсутствие редукции M^1 и M^2 , значительная редукция M^3 , затек эмали моляров (балл 4), шестибугорковая форма M_1 (У6), tam_1 на правом M_1 , пятибугорковые вторые моляры (Х5 и +5), срастание корней M_2 , гиподонтия M^3 с левой стороны челюсти и нижних третьих моляров, дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида отсутствуют. Кроме того, на нижних молярах отмечены следы протостилида (баллы развития 2 и 3) и ямка протостилида на левом M_2 . Наблюдаемый комплекс одонтоскопических признаков типичен для представителей континентальных монголоидов (синодонтной группы по Тернеру). Макродонтизм среди представителей восточного одонтологического ствола характерен для групп арктических монголоидов и североамериканских индейцев [Зубов, 1968]. В рассматриваемом случае крупные размеры коронок зубов могут свидетельствовать о

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

родстве индивида с арктическими монголоидами либо являться архаической особенностью, сохранившейся в условиях изоляции.

Морфометрические характеристики мужского черепа из погребения 13 могильника Сергушкин-3

Признак	мм	Признак	мм
<i>Мозговой отдел</i>		<i>Лицевой отдел</i>	
1. Продольный диаметр	184	40. Длина основания лица	106
8. Поперечный диаметр	155	43. Верхняя ширина лица	109
8:1. Черепной указатель	84,2	45. Скуловой диаметр	142
17. Высотный диаметр от базиона	130	46. Средняя ширина лица	110
20. Высотный диаметр от порионов	116	47. Полная высота лица	123,5
17:1. Высотно-продольный указатель	70,6	48. Верхняя высота лица	75,5
17:8. Высотно-поперечный указатель	83,9	43(1). Бималлярная ширина	96
20:1. Высотно-продольный указатель (от порионов)	63	Высота назиона над бималлярной шириной	9
20:8. Высотно-поперечный указатель (от порионов)	74,8	Зигомаксиллярная ширина	107
11. Ширина основания черепа	136	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	16,5
12. Ширина затылка	122,5	MC. Максиллофронтальная ширина	22
5. Длина основания черепа	99	MS. Максиллофронтальная высота	7,5
9. Наименьшая ширина лба	92	MS:MC. Максиллофронтальный указатель	34,1
10. Наибольшая ширина лба	125	DC. Дакриальная ширина	—
23а. Горизонтальная окружность	535	DS. Дакриальная высота	—
24. Поперечная дуга	320	SC. Симотическая ширина	—
25. Сагиттальная дуга	369	SS. Симотическая высота	—
26. Лобная дуга	134	51. Ширина орбиты (от mf)	38,5
27. Теменная дуга	123	52. Высота орбиты	38
28. Затылочная дуга	112	52:51. Орбитный указатель (от mf)	98,7
29. Лобная хорда	117	54. Ширина носа	26
30. Теменная хорда	109	55. Высота носа	57,5
31. Затылочная хорда	98	54:55. Носовой указатель	45,2
Sub.Nb. Высота продольного изгиба лба	23,5	FC. Глубина клыковой ямки	2
Высота поперечного изгиба лба	12	Высота изгиба скуловой кости	13
Высота изгиба затылка	23	Ширина скуловой кости	53,5
32. Угол профиля лба (от назиона)	75	60. Длина альвеолярной дуги	56
Угол профиля лба (от глабеллы)	66	61. Ширина альвеолярной дуги	66
Форма черепа (вертикальная норма)	Овоид	62. Длина неба	—
<i>Нижняя челюсть</i>		63. Ширина неба	42,5
68(1). Длина от мышцелков	113	72. Общий угол профиля лица	79
68. Длина от углов	89	73. Средний угол профиля лица	85
65. Мыщелковая ширина	129	74. Угол профиля альвеолярной части	62
66. Угловая ширина	108,5	75. Угол наклона носовых костей	—
67. Передняя ширина	48	75(1). Угол выступания носа	—
70. Высота ветви	66,5	77. Назомаллярный угол	158,8
71а. Наименьшая ширина ветви	43,5	<zm'. Зигомаксиллярный угол	145,7
79. Угол ветви	125	Надпереносье (1–6)	3
69. Высота симфиза	35,5	Надбровные дуги (1–3)	2
69(1). Высота тела	32	Наружный затылочный бугор (0–5 по Брока)	0
69(3). Толщина тела	15	Сосцевидный отросток (1–3)	3
69(3):69(1). Указатель массивности	46,9	Форма нижнего края грушевидного отверстия	f. prae-nasalis
c'. Угол выступания подбородка	72	Предносовая ость (1–5 по Брока)	2

Типологическая характеристика отдельного индивида неизбежно влечет ряд допущений, но в данном случае наблюдаемый комплекс краниологических признаков в целом типичен для представителей байкальской группы типов в составе североазиатской расы [Дебеч, 1951]. К определяющим признакам относятся большие размеры лицевого скелета, его сильная горизонтальная уплощенность, очень слабое выступание носовых костей, низкий брахикранный череп. При сравнительном анализе обнаруживается значительное сходство с серией черепов из плиточных могил Забайкалья (I тыс. до н.э.). Черепа из плиточных могил характеризуются выраженной брахикранией, низкой черепной коробкой, высоким, широким и очень плоским лицом и

переносом [Алексеев, Гохман, 1984]. Почти по всем абсолютным размерам и указателям черепа из погребения 13 могильника Сергушкин-3 наблюдается совпадение со средними данными для серии черепов культуры плиточных могил. Своеобразие краниологического типа изучаемого черепа заключается прежде всего в значительном прогнатизме лицевой части. Среди групп северных азиатских монголоидов мезогнатия и прогнатизм характерны только для представителей арктической расы, причем подобное сочетание прогнатизма, брахикрании и малых высотных диаметров черепа отмечается у алеутов [Дебец, 1986, с. 15]. Проблема формирования краниологического типа алеутов дискуссионна, но считается, что их своеобразие среди групп высокоголовых арктических монголоидов является следствием изоляции. С другой стороны, данных по древним монголоидным группам Восточной Сибири не так уж много и своеобразное сочетание краниологических признаков на черепе из погребения 13 может быть типичным для какого-то древнего варианта байкальской расы. К сожалению, на основании обследования единичного черепа невозможно сделать достоверных предположений о процессе формирования конкретного краниологического типа. Наблюдаемое своеобразие, которое заключается в большем прогнатизме, большей высоте носа и меньшей ширине орбит у черепа с Ангары, вполне может быть индивидуальным, свойственным данному черепу. Таким образом, пока мы можем констатировать только определенное сходство антропологических типов индивида, погребенного на о. Сергушкин, и населения, оставившего культуру плиточных могил в Забайкалье.

Культурно-хронологическая атрибуция погребения

По характеру труположения и набору инвентаря погребение 13 обнаруживает множественные аналогии с цэпаньскими комплексами Северного Приангарья. В погребальной практике это сходство заключается во вторичности захоронения и наличии следов огня в могиле [Привалихин, 1993, с. 10–17; 2011, с. 166; 2013, с. 81]. Кости животных ранее были обнаружены лишь в трех цэпаньских погребениях [Привалихин, 1993, с. 12, 16]. В одном из них (погр. 6 могильника Отика) находились кости соболя без черепа, которые, по мнению В.И. Привалихина, являлись остатками жертвоприношения [2011, с. 166].

Костяные накладки на лук, схожие с найденными в погребении 13, зафиксированы в следующих комплексах: погребение на р. Цэпань [Окладников, 1940, рис. 37, 1–3]; Отика, погр. 6 [Привалихин, 1989, рис. 2, 2]; Пашина, погр. 3 (раск. 1976 г.) [Привалихин, 2011, рис. 3, 11], Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Там же, рис. 5, 3–6]. Все изделия представляют собой пластинки с выемкой для тетивы.

Каменные наконечники стрел встречены во всех неразрушенных цэпаньских погребениях по обряду ингумации. Единственное исключение составляет эпонимное погребение на р. Цэпань. Подавляющее большинство наконечников двухлопастные треугольной формы с вогнутой базой, образующей два шипа. Следует обратить внимание на то, что все каменные наконечники стрел из погребения 13 были обнаружены относительно компактно — между ребер с левой стороны. Это позволяет предположить, что они находились непосредственно в теле погребенного.

Костяные наконечники встречаются в цэпаньских погребениях реже, чем каменные. Общее сходство экземпляров из погребения 13 заключается в специфике насада, который выполнен в виде расщеп на черешке (№ 5), вдоль всего черешка и части пера (№ 2, 4) или только вдоль пера (№ 3). Наконечники треугольной формы (№ 2, 5), с учетом формы насада, имеют близкие аналоги среди материалов цэпаньских погребений Приангарья (р. Цэпань [Окладников, 1940, рис. 38, 2]; Отика, погр. 6 [Привалихин, 1989, рис. 3, 3, 6]; Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Привалихин, 2011, рис. 5, 18]; Сергушкин-3, погр. 9 [Герман и др., 2011, табл. 1, 40]). Ланцетовидный наконечник (№ 3) сходен с обнаруженными на Лене (1-е и 2-е Покровские погребения [Окладников, 1950, рис. 2, 4; Степанов, Жирков, 2006, рис. 1, 11, 12]). У гарпуновидного наконечника (№ 4) аналогов среди цэпаньских материалов нет.

Две обоймы из рога (№ 7, 12) — с втульчатым насадом и пинцетовидным пазом — однотипны и близки по габаритам. Другое изделие, из трубчатой кости, имеет тот же принцип насада на древко, но по размеру в три раза меньше изделий из рога. Известные цэпаньские обоймы со втульчатым насадом (Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Привалихин, 2011, рис. 4, 8, 14]; Пашино, погр. 3 [Там же, рис. 3, 9]; Окуневка [Панюхин, 2010, рис. 1, 4]) по своей бочонковидной форме и величине близки экземпляру из кости. Также отметим, что подавляющее большинство археологических аналогов цэпаньским обоймам, датируемых I тыс. до н.э., обнаружены на северо-востоке от ареала культуры (Чукотка) [Диков, 1979, с. 151; Кирьяк, 1993, с. 68]. Кроме этого, известно большое количество этнографических материалов, указывающих на использование сложнос-

ставных наконечников чукчами, юкагирами, коряками, атапасками [Вдовин, 1971, с. 290, табл. V; Глинский, 1986, с. 12; Нефедкин, 2003, с. 79, 80; Шишелов, 2011]. Как отмечает Б.Ф. Адлер, «...у чукчей, эскимосов и их соседей — алеутов, у айнов и вообще народов, живущих на побережье Великого океана, замечается укрепление острия посредством промежуточного звена» [1903, с. 184]. Тема возникновения, типологического разнообразия и территориально-хронологический диапазон бытования этих предметов выходят за рамки данной статьи. Отметим только, что обоймы-посредники представляют собой наиболее устойчивый компонент в погребальной практике цэпаньской культуры. Поэтому их изучение является важным моментом в понимании генетических связей культуры раннего железного века Северного Приангарья.

Изделий, аналогичных остову вкладышевого орудия (№ 13), в ангарских памятниках неизвестно. Близкий по морфологии предмет, лезвиями которого являлись каменные пластины, происходит из 1-го Покровского погребения [Окладников, 1950, табл. II]. Возможно, в случае с находкой из погребения 13 в качестве вкладыша использовалось обнаруженное здесь же пластинчатое изделие из железа. Железные изделия в цэпаньских погребениях с труположением ранее не встречались. А.В. Гладилин на основании радиоуглеродных дат относит ранние сыродутные горны и соответственно начальный этап обработки железа в Северном Приангарье к IV–II вв. до н.э. [1985]. По мнению других исследователей, начало применения железа в Северном Приангарье датируется II в. до н.э. [Привалихин, Фокин, 2003, с. 116; Гревцов, Лысенко, 2013, с. 188].

Бляшки с изображением грифонов являются самым распространенным изделием скифской торевтики в Северном Приангарье. В погребениях цэпаньской культуры бабочковидные бляшки обнаружены на памятниках Кода-3 (погр. 1 — труположение) [Славинский и др., 2012, рис. 1, 1, 2] и Сергушкин-3 (погр. 4 — кремация на стороне) [Привалихин, 1993, с. 16]. Большое количество бляшек с реалистичными и стилизованными головками грифонов найдено на Усть-Тасеевском культовом комплексе [Гревцов, 2013], стоянке Сергушкин-3 и других многослойных стоянках Северного Приангарья. По мнению В.И. Привалихина, проникновение «степного компонента» в Северное Приангарье относится к VIII–VI вв. до н.э. и связано с формированием цэпаньской культуры [1993, с. 20; 2011, с. 168]. Ю.А. Гревцов определяет время функционирования Усть-Тасеевского культового комплекса второй половиной I тыс. до н.э. [2013, с. 104]. На наш взгляд, «скифские» бронзы появляются в Северном Приангарье не ранее VI–V вв. до н.э. [Герман и др., 2012, с. 442].

Итак, принадлежность погребения 13 к кругу цэпаньских памятников не вызывает сомнений. Это подтверждается инвентарем, спецификой обряда погребения и радиоуглеродной датой² — 2278 ± 100 л.н. (SPb_384) (калиброванный календарный интервал 2σ — 590–87 до н.э.³).

Заключение

Материалы погребения 13 стоянки и могильника Сергушкин-3 дают возможность затронуть ряд из указанных во введении проблем изучения раннего железного века Северного Приангарья. Отметим некоторые результаты и перспективы исследования цэпаньской культуры.

1. Полученная радиоуглеродная дата укладывается в хронологический диапазон цэпаньской культуры, выделенный В.И. Привалихиным. Среди найденного в погребении инвентаря наиболее существенным хронологическим маркером является изделие из железа. С учетом дискуссионности вопроса о начале использования железа в Северном Приангарье погребение 13 памятника Сергушкин-3 следует датировать в пределах IV–II вв. до н.э. Такая датировка говорит о более длительном периоде бытования практики ингумации в цэпаньской культуре, чем отмечалось ранее [Привалихин, 2011, с. 170]. Введение в научный оборот новых материалов и радиоуглеродных дат цэпаньских погребений, исследованных в ходе работы Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН, позволит скорректировать или подтвердить предложенную датировку;

2. Результаты антропологического анализа, в целом, подтверждают монголоидный облик носителей цэпаньской культуры [Дроздов и др., 2005; Привалихин, 2011, с. 166]. Накопление антропологических данных по древнему населению Приангарья позволит более детально определить место их морфофизического типа в систематике североазиатских монголоидов, а

² Материалом для датирования погребения 13 послужил фрагмент горелого дерева из заполнения в районе черепа.

³ Калибровка даты осуществлена с помощью программы OxCal v. 4.2.3 Bronk Ramsey (2013).

также оценить уровень адаптивного стресса, воздействовавшего на популяции насельников Северного Приангарья в раннем железном веке;

3. Захоронения цэпаньской культуры, наряду с биритуальностью обряда и разнообразием погребального инвентаря, содержат в себе устойчивый компонент — роговые и костяные обоймы-посредники. Расширенный круг аналогов для данной категории находок актуализирует более детальное сопоставление антропологических и вещественных источников цэпаньской культуры с археологическими и этнографическими материалами Средней и Нижней Лены, Чукотки, Аляски и западного побережья Северной Америки. Дальнейшие исследования позволят установить природу сходства ангарских находок с материальной культурой народов Северо-Восточной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адлер Б.Ф. Луки и стрелы Северной Азии // Рус. антропол. журн. 1903. № 3 и 4. С. 178–194.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Анатомия человека: В 2 т. М.: Медицина, 1993. Т. 1. 544 с.
- Вдовин И.С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 275–299. (Сб. Музея антропологии и этнографии; Т. 27).
- Герман П.В., Леонтьев С.Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин 3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 500–505.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 381–385.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н., Савельева А.С., Герман В.В. Предварительные результаты исследований на памятнике Сергушкин 3 в Северном Приангарье (2009–2011 гг.) // Материалы науч. сессии ИЭЧ СО РАН. 2011. Вып. 3. С. 87–91.
- Герман П.В., Савин А.Н., Рыбин Е.П. Бронзовый нож с острова Сергушкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 440–444.
- Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 167–180.
- Глинский Е.А. Лук и стрелы народов крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 23 с.
- Гревцов Ю.А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2013. С. 92–106.
- Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве Северного Приангарья // Там же. 2013. С. 187–196.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология древних эскимосов // Этнические связи народов севера Азии и Америки. М.: Наука, 1986. 224 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 353 с.
- Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: РИО ГОУ КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. Вып. 4. С. 50–57.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: Методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 29 с.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
- Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. 352 с. (Ethnographica Petropolitana, X).
- Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.
- Окладников А.П. Ленские древности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. 195 с.
- Панюхин М.В. Погребение раннего железного века на археологическом памятнике Окуневка // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) РАЭС. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 255–257.
- Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 90–95.

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. С. 189–198.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2009. Вып. 4. С. 300–310.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: История открытия, результаты и перспективы исследования // Второй век подвижничества. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. С. 163–185.

Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2013. С. 73–91.

Привалихин В.И., Фокин С.М. Новые материалы по раннему железному веку Северного Приангарья и Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. С. 14–20.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз, 1955. 640 с.

Славинский В.С., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Казакова Е.А., Милютин К.И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 194–205.

Степанов А.Д., Жирков Э.К. Покровское погребение 2 раннего железного века // Изв. Лаб. древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 309–313.

Шишелов Н.С. Луки, стрелы и колчаны северных атапасков. 2011 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://beaverlodge.wmsite.ru/etnografija/luki-strely-kolchany-severnyh-atapaskov/strely/>.

*Кемерово, ИЭЧ СО РАН
lithos@mail.ru

**Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
katrin1609@mail.ru

The article cites investigation results regarding a burial of the early Iron Age from North Priangarye (burial 13 from Sergushkin-3 burial ground). The authors give a detailed description of archaeological and anthropological material. Using a craniometric analysis, they determined a Mongoloid anthropological type of the buried person. By analogy with famous North Angara complexes, the burial was attributed to the Tsepanskaya culture. Regarding the most stable component of the Tsepanskaya burials — i.e. horny clips — they registered a broad range of analogies from North-West Siberia. Basing on the obtained radiocarbon date together with an iron finding in the grave, burial 13 from Sergushkin-3 burial ground was dated by IV–II cc. B.C.

North Priangarye, early Iron Age, the Tsepanskaya culture, burial.